

ФЕТ О НАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА И ПОЭЗИИ (К вопросу школьного изучения)

В последнее время особенно активно обсуждается вопрос о школьном литературном образовании. Спорят о том, какие задачи должен решать предмет «Литература», каких авторов и какие произведения следует включать для изучения в так называемый «золотой» список. Есть в ряду таких имен и произведений величины постоянные, без которых русская литература, следовательно, и ее изучение в школьном курсе не мыслятся. К таковым относится А. А. Фет и его поэзия.

В истории российского образования были периоды полного отсутствия Фета в школьных программах, затем его произведения стали появляться в тематических блоках, при этом акцент делался на распространенной точке зрения, согласно которой Фет — мастер формы, «пишущий пустяки». Двадцатое столетие стало временем осмысления жизни и творчества поэта наукой о литературе, открытия новых глубоких подтекстов и смыслов в его поэтическом наследии. Это нашло отражение в практике литературного образования: сегодня стихотворения Фета включены в программы начальной школы, изучаются в классах средней ступени (5—9), как монографическая тема биография и творчество поэта рассматриваются в 10 классе. И все же проблемы изучения Фета в школьном курсе литературы очевидны, связаны они, в первую очередь, с поверхностным восприятием его лирики, с непониманием его уникальности, которую А. К. Толстой определил следующим образом: «Фет — поэт единственный в своем роде, не имеющий равного себе ни в одной литературе, и он намного выше своего времени, не умеющего его оценить».¹

¹ Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 306. Письмо к Б. М. Маркевичу от 8 июля 1869 г.

Охватить поэтическое наследие Фета в его полноте и многообразии в рамках школьного изучения трудно, скорее невозможно. Согласимся с А. Блоком, предупреждавшим в работе, условно названной «<Набросок статьи о русской поэзии>»: «Мы даже не задаемся целью описать всего Фета. Это значило бы — желать исчерпать неисчерпаемое».²

Задача уроков литературы — пробудить в учениках устойчивый интерес к произведениям Фета, показать возможность находить в них глубокие смыслы, не имеющие границ подтексты, помочь десятиклассникам понять и почувствовать особенности его стиля, сделать поэта узнаваемым даже в неизвестных им текстах. Решение этой задачи имеет множество вариантов, один из возможных и, как показывает практика, действенных — внимание к вопросу о назначении поэта и поэзии в системе эстетических воззрений самого Фета.

Беседе на эту тему будет предшествовать знакомство с биографией поэта и отношением к нему критиков. Разговор об этом порождает вопросы: Как в этом человеке уживались талантливый, расчетливый хозяин и тончайший лирик? Почему Фет, человек с активной жизненной позицией — рачительный хозяин, орловский, курский и воронежский помещик, коннозаводчик, мировой судья, автор статей об экономическом устройстве фермерского хозяйства — в поэзии не откликается на «насущные проблемы бытия»? Почему критики, признавая талант и самобытность дарования этого лирика, относят его к числу «второстепенных» поэтов? Почему и как менялось отношение к поэту в последующие периоды в истории страны и литературы? Эти вопросы определяют внутренний мотив читателя — желание понять поэзию Фета.

Разговор предлагаем начать с размышлений над тем, что может быть вообще предметом изображения в искусстве? Каковы его задачи и цели? Высказывая свои соображения, десятиклассники говорят о том, что содержанием искусства может быть все: и вопросы социальной сферы, и проблемы нравственного характера, и философские размышления о смысле бытия и тайнах природного мира. Художник вправе говорить о том, что ему близко, «чем он болеет», это и составляет поэтическое содержание его творений, содержание, которое обусловлено эстетическими воззрениями творца. Вот почему так важно для восприятия лирики Фета (как и восприятия творчества любого другого художника) выявить его отношение к вопросу о содержании поэзии, понимание им задач и целей искусства.

Ф. М. Достоевский писал: «Одним из самых важных литературных вопросов мы считаем теперь вопрос об искусстве. Этот вопрос разделяет

² Блок А. <Набросок статьи о русской поэзии> // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 36.

многих из современных писателей наших на два враждебные лагеря».³ В середине XIX века атмосфера споров по этому вопросу достигала высочайшего накала, прежде всего между представителями революционно-демократического направления и сторонниками «эстетической» критики. Сторонники первого направления настаивали на том, что литература, искусство вообще должны делать «дело», приносить реальную «пользу» — служить великой идее борьбы за народное счастье. В свете таких требований даже поэзия Пушкина рассматривалась ими как ненужная. Давая оценки творчеству Фета, они, как правило, указывали на отсутствие глубокого содержания в его стихах, но при этом признавали талант поэта, самобытность его дарования. Н. Г. Чернышевский, например, совмещал такие характеристики, как «хороший поэт» и «пишет пустяки», а М. Е. Салтыков-Щедрин, указывая на то, что в русской литературе «г. Фету, бесспорно, принадлежит одно из видных мест» и «большая половина его стихотворений дышит самою искреннею свежестью», относил его все-таки к числу «второстепенных» поэтов, так как его поэтический мир «довольно тесен, однообразен и ограничен».⁴ Н. А. Добролюбов считал, что у автора нет живого отношения к современности и талант его «способен во всей силе проявиться только в уловлении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы».⁵ В целом, мнение этих критиков сводилось к определениям: «несомненный талант», но «крайняя незначительность содержания».

Вопрос о содержании и назначении искусства, о тайнах творчества осмысливается каждым художником. Фет не является исключением, более того, он выражает позицию целого направления, получившего у современников название «чистого искусства», и понимание этой позиции может стать своеобразным ключом, кодом к вхождению читателя в пространство поэтического мира Фета.

Предлагаемая далее методическая модель выявления эстетических позиций Фета неоднократно проверена практикой. Каждый раз (в зависимости от особенностей класса, педагогической ситуации в целом) в ней обнаруживались новые грани: варьировался контекст, в котором рассматривалась тема, по-разному акцентировалось внимание на анализируемых текстах, выбирались разные формы работы — от лекционных до самостоятельной исследовательской деятельности учеников.

³ *Достоевский Ф. М.* Г-н — бов и вопрос об искусстве // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 72.

⁴ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Стихотворения А. А. Фета. Издание К. Солдатенкова. 2 части. Москва. 1863 // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1966. Т. 5. С. 383.

⁵ *Добролюбов Н. А.* Темное царство (Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859) // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 28.

Далее эта модель представлена в обобщенном варианте, который в конкретных ситуациях, обусловленных особенностями класса, индивидуальностью учителя, может дополняться, меняться, сохраняя предлагаемую логику коллективного исследования вопроса.

Ученикам, уже знакомым с отношением к Фету критиков, мы предлагаем обратиться к нему не как объекту изучения, а как участнику диалога о целях и смысле искусства. Анализ произведений, в которых выражены его взгляды, вызывает интерес у десятиклассников, удовлетворяет потребность «философствования», поиска причинно-следственных связей, потребность, которая характерна для этого этапа в литературном развитии школьника-читателя.

Выстраивая тексты в хронологической последовательности, выясняем, каким видит Фет содержание искусства, назначение поэзии, менялась ли его позиция в понимании этих вопросов или уточнялась, дополнялась ли или оставалась неизменной.

Начать разговор можно с произведения, которое школьникам уже знакомо. В 1843 году в «Отечественных записках» было напечатано стихотворение «Я пришел к тебе с приветом...». При первом прочтении оно воспринимается как образец пейзажной лирики. В процессе анализа происходит переосмысление текста: становится очевидным — речь идет о содержании именно фетовской лирики. Начинающий поэт заявляет о своем приходе в поэзию, о том, что красота окружающего мира и есть предмет изображения, более того, он определяет и главную особенность этого изображения — иррациональный, бессознательный характер творчества: «...не знаю сам, что буду / Петь, — но только песня зреет». Поэт молод и счастлив. Мир, который открывается лирическому герою, прекрасен. Весеннее безотчетное чувство светлой радости, даже веселья, переполняет его. Он весь — сердечный порыв. И это не минутное состояние вдохновения, не временное явление, это самая суть лирического «я». Речевые конструкции второй строфы — «той же», «вчера», «все так же» — указывают на постоянство выраженного состояния, намерения. Лирический герой чувствует желание «петь», желание, которое становится потребностью, которой невозможно сопротивляться, ее нельзя осмыслить. Это как весенняя почка, что вот-вот взорвется изумрудными листочками, и ничто не может остановить этот процесс.

Обращаем внимание учеников на синтаксическую особенность стихотворения: четыре строфы — и одно предложение, как выдох, который нельзя сдержать. Весеннее свежее чувство станет одним из отличительных качеств фетовской лирики, хотя со временем оно будет меняться, все более приобретая иной — ностальгический оттенок, появится мотив обращенности в прошлое. Это же стихотворение безмя-

тежно-радостно: в нем еще нет прошлого, о котором грустишь, есть будущее, которое не страшит, а главное, есть сегодня, сейчас, и оно, это сейчас, — счастье. Такое ощущение жизни — привилегия молодости. Поэту 23 года. Стихотворение, которое первоначально воспринимается как образец пейзажной лирики, неожиданно для читателей открывается как своеобразная поэтическая декларация, в ней автор обозначает содержание поэтического пространства, которое он открывает читателю, и это содержание — красота окружающего мира.

Далее обращаемся к стихотворению, написанному в 1866 году, спустя 23 года: «Пришла, — и тает все вокруг...».

Пришла, — и тает все вокруг,
Все жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних вьюг,
Вдруг разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвело
Все, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
Из растворенных врат эдема.

Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
Зеленоватым пышет дымом.

Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:
Все, что ковало, миновало.

Нельзя заботы мелочной
Хотя на миг не устыдиться.
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.

Стихотворение звучит эхом по отношению к первому. Поэт настойчиво отправляет нас к прошлому: сердце — «пленник зимних вьюг», «Заговорило, зацвело / Все, что вчера томилось немо», «Все, что ковало, миновало...». И теперь нельзя не петь, и теперь эта песня — неудержимый восторг, как в стихотворении «Я пришел к тебе с приветом...». Но взамен безотчетному желанию — «...не знаю сам, что буду / Петь...» — появляется призыв «петь», «славить» и «молиться» «пред вечной красотой». Назначение поэзии Фет по-прежнему видит в служении красо-

те. От бессознательной песни как выражения естественного, природного начала в человеке он переходит к осознанному прославлению красоты окружающего мира. Отношение поэта к вопросу о содержании искусства и его назначении не меняется, но начинает осознаваться.

Такое осознание особенно явно выражено Фетом в его статье «О стихотворениях Ф. Тютчева».⁶ Обращение к статье на уроке — важный момент в осмыслении старшеклассниками искусства как особой области человеческого бытия, как способа познания мира и себя, как условия понимания и приятия ими фетовской поэзии. Зачитываем отдельные фрагменты, комментируем их. Среди них следующие: «...художнику дорога только одна сторона предметов: *их красота*, точно так же, как математику дороги их очертания или численность. — Красота разлита по всему мирозданию и, как все дары природы, влияет даже на тех, которые ее не сознают, как воздух питает и того, кто, быть может, и не подозревает его существования».⁷ И далее: «Так как мир во всех своих частях равно прекрасен, то внешний, предметный элемент поэтического творчества безразличен. Зато другой, внутренний: степень поэтической зоркости, ясновидения — всё»;⁸ «...поэзия — воспроизведение не всего предмета, а только его красоты <...>».⁹

В итоге школьники приходят к выводу: содержанием искусства, по мнению Фета, должна быть красота, он видит и находит ее там, где она открывается только «посвященному», «избранному». Интуитивное начало, о котором заявлено в стихотворении 1843 года, в статье рационально осмыслено: «Фет может и так — четко и ясно». Оказывается, он сознательно выбирает метод изображения, говоря современным языком, «технологии интуитивного», отсюда — музыкальность и импрессионистическое начало в его стихотворениях (об этом речь пойдет позже, при анализе художественных особенностей поэзии Фета). Предметом же изображения является красота, которая заключена в природе, любви и творчестве — эти три темы являются доминантными в поэтическом мире Фета.

Предлагаем найти тексты, в которых поэт выражает свое понимание вопроса о целях искусства, о назначении художника. Стихотворение «Муза», как и два предыдущих, написано весной — 8 мая 1887 года, за пять лет до смерти. Оно открывает третий сборник «Вечерних огней» и выступает как программное. В качестве эпитафии поэт взял строки А. С. Пушкина: «Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков

⁶ Фет. ССчП. Т. 3. С. 176–194.

⁷ Там же. С. 177.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 180.

сладких и молитв». Вспоминаем стихотворение Пушкина, а затем возвращаемся к «Музе» Фета. Мысль в нем выражена предельно ясно, она не бессознательный порыв, а плод раздумий и анализа зрелого поэта, который определяет не только содержание поэзии, но и ее задачи, цели, назначение поэта.

Ты хочешь проклинать, рыдая и стена,
Бичей подыскивать к закону.
Поэт, остановись! не призывай меня,
Зови из бездны Тизифону.

Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью
Я к наслаждению высокому зову
И к человеческому счастью.

Стихотворение — страстный монолог Музы. Она не хочет быть служительницей Тизифоны — богини мести. Высокое наслаждение и счастье — вот к чему зовет она. Не страдания должен воспевать поэт, а «радость страдания», которая незнакома «ожесточенному и черствому душой». Не должна быть лира «трубой <...> погрома», попытка сделать ее такой — насилие над нею. Ее звуки несут на землю «Не бурю страстную, не вызовы к борьбе, / А исцеление от муки». Цель искусства поэт видит в «исцелении от муки», в том, чтобы сделать человека счастливым. При этом он точно указывает адресата, которому его поэзия недоступна — «ожесточенному и черствому душой». Если говорить о соотношении мысли и чувства в этом стихотворении, то первая составляющая так явно присутствует, что возникает вопрос: не изменил ли Фет своему принципу иррационального, бессознательного творчества.

Ответ находим в стихотворении «Одним толчком согнать ладью живую...», написанном осенью того же года. Оно явно перекликается с первым — «Я пришел к тебе с приветом...». В нем также одно предложение, включающее в себя три строфы, а главное — все тот же единый порыв. Только теперь поэт знает, о чем он поет и в чем признак истинной поэзии.

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветер с цветущих берегов;

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитья вдруг неведомым, родным,

Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим;

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец, —
Вот чем певец лишь избранный владеет!
Вот в чем его и признак и венец!

Комментируя каждую строку, идя вслед за автором, школьники осознают, что образы этого стихотворения объемлют жизнь души во всех ее проявлениях: и в способности подняться в иную жизнь, куда могут унести только мечты, и в возможности «упиться вдруг неведомым, родным», и в магическом даре тайное делать явным, а муки — сладостными. Поэт говорит о божественной власти, данной «певцу лишь избранному», — проникать в самые сокровенные тайны природы и человеческой души. Каждый образ этого стихотворения включает в себе целый мир чувств, эмоций, «сердечных движений», смутных и непередаваемых. Что, например, значит «упиться вдруг неведомым, родным»? Может быть, это разные области «сердечных движений», а может быть, неведомое — оно же и родное? Неведомое — то, что не дано увидеть глазом, услышать ухом, воспринять разумом, а только — сердцем и, как скажет сам поэт, «наперекор уму». Это стихотворение одновременно и поэтическая декларация, и автопортрет поэта. Фет не изменяет себе, он только обозначает, уточняет ту область, то пространство, которое доступно поэзии, искусству.

Итак, предмет искусства — красота, цель — гармония, которую оно рождает в душе человека, радость, которой оно может наполнить его. Исцеляя «больную душу», поэзия оказывается «спасительной» и для поэта, и для читателя. Что касается красоты, то она, по мнению поэта, объективно существующая реальность: «Целый мир от красоты...», — утверждает он в одном стихотворении, а в другом — говорит о невозможности художнику превзойти подлинную красоту:

Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой друг, а Божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

Такие поэтические установки и верность им на протяжении всей жизни позволяют говорить о силе духа поэта, о его способности быть свободным в определении жизненных позиций. Заметим, что слово «свобода» часто звучит в его стихах. В стихотворении, написанном в марте (и вновь это весна) 1891 года, Фет говорит:

Кляните нас: нам дорога свобода
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет весильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим: —
Какой восторг так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь.

Оставаться верным Музе — «нетленной богине» в «венце из звезд» — поэт считает проявлением свободы. О такой свободе он говорит не раз: «Заботливо храня твою свободу...» («Музе»), «Я ради мук твоих не стану изменять / Свободы вечному призывью» («Муза»). И вновь — «...нам дорога свобода...», и это за год до смерти. Поэт снова и снова указывает на то, что бессознательное, стихийное, природное начало — основа его поэзии. Отказ подчинять «жизнь сердца» разуму и есть для него — художника — свобода. Это роднит его с весенним певцом. Такое сходство подчеркивается тем, что они, «певцы весенние», говорят — не щебечут или поют, а говорят: «Какой восторг так говорить уметь!» Последние две строки — выражение все той же мысли о бессознательности и естественности художественного творчества:

Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь.

Вопрос о поэте и поэзии является у Фета областью глубокого исследования как на уровне непосредственного отражения, описания творческого процесса, так и на уровне осмысления своего метода.

Итак, найдены ответы на вопросы — что является предметом изображения в поэзии и в чем ее назначение. Но есть еще и важнейшее условие рождения художественного произведения. Что это за условие? Предлагаем ученикам найти ответ в стихотворении «Как беден наш язык! — Хочу и не могу...»:

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Не передать того ни другу ни врагу,

Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

Смысл этого стихотворения не сразу открывается школьникам. После первого прочтения идем «вслед за автором», последовательно обращаясь к каждой строке, пытаюсь разгадать ее смысл.

Уже в первой — два предложения, и оба непонятны. Что значит — наш язык «беден»? Наш — «великий и могучий»? И что значит — «Хочу и не могу...»? О чем идет речь? Постепенно авторская мысль проясняется: речь идет не о русском языке, а о языке вообще, о слове как способе выражения мыслей, чувств и о невозможности передать их, о невозможности рассказать о том, «что буйствует в груди прозрачною волною». Вспоминаем Ф. И. Тютчева, изучение которого предшествовало знакомству с Фетом, его знаменитое «Silentium!»:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Тютчев говорит о невозможности выразить свое состояние словом и призывает молчать. Первая строфа фетовского стихотворения о том же, только, в отличие от Тютчева, Фет не призывает к молчанию, а говорит о поэте, которому подвластен «крылатый слова звук», который «Хватает на лету и закрепляет вдруг / И темный бред души, и трав неясный запах...».

Поэт обладает даром выразить «невыразимое», этот дар и есть условие рождения поэтического шедевра, этим даром владеет «поэт лишь избранный». Двумя метафорами — «темный бред души» и «трав неясный запах» — Фет очерчивает область, где господствует красота. Объясняя смысл этих слов, учащиеся интерпретируют «темный бред души» как «тонкие», «неясные», «сложные» эмоциональные состояния человека, обращаются к критикам, вспоминают, например, Ап. Григорьева, указывавшего на способность Фета «сообщать осязаемость тон-

ким, неопределенным, для других не подмечаемым впечатлениям»,¹⁰ тем «впечатлениям, которых вся прелесть заключается в их неопределенности».¹¹ Надо заметить, что это состояние понятно читателям юношеского возраста, склонным к рефлексии. Напоминаем слова другого критика, А. В. Дружинина, который говорил об умении Фета «забираться в сокровеннейшие тайники души человеческой».¹² Вторая метафора кажется им сложнее, но и здесь, в процессе обмена мнениями, они находят интересные варианты ее объяснения, говорят о том, что если «темный бред души» — это жизнь сердца, то «трав неясный запах» — это то же, «только про природу». Рассуждают о том, что визуальный образ, звуковой передать легче, чем рассказать о запахе, что в искусстве, в частности в литературе, запах как часть художественного мира встречается реже, чем, например, живописное описание пространства. «Трав неясный запах» — это сокровенная жизнь природы, тончайшие ее проявления, «это ее дыхание». Получается, что эти две метафоры объемлют жизнь человеческой души и природы.

Подводя итог, пытаемся определить фетовскую концепцию поэзии как вида искусства.

Фет считает, что предметом изображения в поэзии должна быть красота, которая существует в мире как объективная реальность, именно она, красота, составляет содержание искусства. Цель искусства — «исцеление от муки», призыв к «наслаждению высокому», к «человеческому счастью». Условием рождения произведения является особая прозорливость изображающего ее, «ум сердца»: «Поэт тот, кто в предмете видит то, чего без его помощи другой не увидит <...>».¹³

Следующий этап — установка на самостоятельную работу десятиклассников: они находят стихотворения, которые дополняют затронутую тему, высвечивают ее новые грани. Среди выбранных ими текстов оказались такие, как «Ласточки», «Ночь и я, мы оба дышим...», «Музе», «Угасшим звездам», «Кому венец: богине ль красоты...», «Как трудно повторять живую красоту...», «Только встречу улыбку твою...», «Псевдопоэту», «Если радуется утро тебя...». Анализируя их, школьники рассуждают о том, что поэт пытается понять и объяснить природу вдохновения, «поэтического полета», заглядывает в будущее, сравнивая себя с угасшей звездой, говорит о муках творчества.

Подводя итог, говорим о том, что содержание поэзии Фета соответствует его эстетическим взглядам, что бессмысленно искать в его по-

¹⁰ ОЗ. 1850. № 2. С. 55.

¹¹ Время. 1863. № 2. Отд. 2: Современное обозрение. С. 28.

¹² Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983. С. 89.

¹³ Фет А. Предисловие // Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887. С. V.

эзии того, что отсутствует в системе эстетических воззрений, а поэтическая область, очерченная этой системой, бесконечно богата, глубока и обширна, о чем речь пойдет на последующих уроках.

Поэтический мир, созданный Фетом, может быть охарактеризован как сакральное пространство, где каждый отдельный предмет, каждое слово приобретают особый смысл и ценность, эквивалентом которых является красота. В этом пространстве ученик познает опыт уникальных эстетических переживаний, опыт, который, множась, накапливаясь, становится условием формирования эстетической восприимчивости — способности воспринимать мир с позиций прекрасного. Мир фетовских образов формирует у юных читателей навыки постижения поэзии на самых высоких ее образцах, становится своеобразной «прививкой» от посредственности в искусстве, и этому процессу «воспитания читателя» может помочь обращение на уроках литературы к теме «Фет о назначении поэта и поэзии».